

замечательных пнигосов во «Всадниках» (ст. 367—381, 441—456, 912—940) и «Облаках» (ст. 439—456). Теряется острота при пародировании или пародийном цитировании трагических стихов и многие другие художественные особенности оригинала. Это чувствовали, видимо, и сами китайские переводчики, и в ряде случаев уже в рамках существующего перевода они используют выразительные особенности китайского стихосложения для создания ритмического и художественного эффекта, соответствующего оригиналу.

Так, например, пнигос из «Ахарнян» (ст. 663—664) передан скороговоркой, стихомифия между Ламахом и Дикеополем из той же комедии (ст. 1095—1142) — пареллельными двустушиями, так что каждая пара реплик действующих лиц оканчивается одинаковыми словами. В «Птицах» лирическая ария удода (ст. 209—222) и ряд хоровых партий (1470—1493, 1553—1564, 1694—1705 и 1720—1754) переведены на китайский как стихотворения с одинаковым числом слогов в строке и с рифмой. Как уже отмечалось, в форме стихотворения передан в этой комедии и один из гимнов поэта (ст. 924—953).

Эти примеры показывают, что китайская поэзия обладает художественными возможностями для того, чтобы в наибольшей степени приблизиться к передаче оригинальной метрической структуры аристофановской комедии. Разумеется, не может быть и речи о механическом копировании ритмов оригинала, чужеродных для китайского языка, — задача состоит в том, чтобы найти соответствующие эквиваленты в собственной сокровищнице поэтических средств китайского народа.

Требования, выдвинутые в последнем разделе нашей рецензии, по существу уже выходят за пределы задач, поставленных переводчиками в этом издании комедий Аристофана. Поэтому их следует рассматривать как пожелание нашим китайским коллегам продолжать работу над переводом, совершенствовать его художественные достоинства, стремиться приблизить перевод к оригиналу и по форме. В том же плане, в каком выполнен перевод сейчас, он безусловно заслуживает высокой оценки, как и вся книга в целом, открывающая для китайского читателя творчество великого древнегреческого сатирика и содействующая укреплению дружественных культурных связей между народами.

В. А. Рубин, В. Н. Ярхо

О НЕКОТОРЫХ НОВЫХ ТРУДАХ ПО ИСТОРИИ РАННЕЙ ГРЕЦИИ

В этом обзоре делается попытка рассмотреть некоторые, по мнению автора наиболее важные, новые труды зарубежных ученых, посвященные истории Эллады в первые века I тысячелетия до н. э. Само собой разумеется, что в журнальной статье, каких бы она ни была размеров, невозможно учесть все работы, вышедшие по данному вопросу хотя бы за последнее десятилетие. Ведь в одном только обстоятельном библиографическом обзоре А. Лески, охватывающем фактически только первое послевоенное пятилетие, и притом только собственно гомеровскую тематику, учтено не менее двухсот новых книг и крупных статей¹. В данной статье будет обращено внимание лишь на те исследования зарубежных ученых, которые, по мнению автора, представляют по тем или иным соображениям наибольший интерес для советского читателя и помогают лучшему познанию закономерностей развития эллинского мира в начале I тысячелетия до н. э.

Наиболее значительным событием в историографии этого периода греческой ис-

¹ А. Л е с к и, *Homer, I—III*, «Anzeiger für die Altertumswissenschaft», IV (1951), вып. 2/3, стр. 65—80; вып. 4, стр. 195—212; V (1952), вып. 1, стр. 1—24

тории несомненно следует считать книгу профессора Бирмингемского университета Дж. Томсона¹. Эта вышедшая шесть лет тому назад работа крупнейшего английского историка-марксиста была предметом оживленного обсуждения во многих журналах². В рецензиях, зачастую весьма разноречивых и спорных, все же не были, на наш взгляд, достаточно проанализированы взгляды Дж. Томсона на различные проблемы истории Греции начала I тысячелетия до н. э. Рецензентами обращалось внимание не столько на конкретное содержание, сколько на общий дух его книги. Среди западноевропейских ученых работа Дж. Томсона была воспринята так, как она была, повидимому, задумана самим автором, — как боевое выступление ученого-марксиста, стремящегося показать плодотворность применения марксистской методологии на материале, казалось бы, столь далеком от актуально-политических интересов сегодняшнего дня. В введении к своему труду Дж. Томсон писал, что он поставил перед собой задачу интерпретировать историческую миссию Греции в свете марксизма. Он вполне правильно продолжал: «Некоторые из моих критиков, повидимому, полагают, что потрактованные таким образом занятия Грецией теряют свою ценность. Я полагаю, что только таким образом они могут вернуть себе прежнее значение. Всем известно, что уже многие годы популярность их все более падает. Причина этого кроется в потере контакта с силами прогресса... Наше эллинское наследие должно быть спасено от мандаринов, или же оно погибнет, разрушенное своими святошами» (ук. соч., стр. 7).

Реакция «мандаринов» не заставила себя долго ждать. Книга Томсона немедленно подверглась разному. В оксфордском журнале «The Classical Review» появилась рецензия под издательским заглавием «Marxus dixit: ita est»³, автор которой (Х. Дж. Роз) вместо серьезного анализа концепции Дж. Томсона счел возможным отмахнуться от разбора содержания книги ссылками на «устарелость теорий и методов за железным занавесом» и аналогичными издательскими «аргументами»⁴.

Значительно умнее, с характерным для наиболее дальновидных представителей английской буржуазии умением маневрировать написана рецензия на ту же книгу

¹ Thomson, *Studies in ancient Greek society. The prehistoric Aegaeon, L.*, 1949; второе издание той же работы вышло в 1954 г. Оно отличается от первого приложением («О землевладении у греков», стр. 583—594).

² См. рецензию Б. В. Горнунга в ВДИ, 1950, № 4, стр. 106—113; ср. «Письмо в редакцию» Дж. Томсона, ВДИ, 1953, № 4, стр. 107—113. Книга Томсона обсуждалась также на страницах прогрессивного французского журнала «La Pensée», № 36; ср. там же, № 39, стр. 113—116. На книгу появились рецензии так же в JHS, «The Classical Review» и других журналах. Объективный, хотя очень краткий, отзыв о книге Томсона дал А. Эрну в «Revue de Philologie...», 1950, стр. 197.

³ CR, 1950, № 3-4, стр. 127 сл. Ср. рецензию А. И. Немировского на книгу: Н. Бенгтсон, Einführung in die alte Geschichte, ВДИ, 1953, № 3, стр. 140.

⁴ Не следует думать, что в «демократической» Англии борьба реакции против ученых-марксистов ограничивается только насмешками. После выхода в свет книги известного английского историка и писателя Дж. Линдсея «Byzantium into Europe» анонимный литературный обозреватель «Times»^a разразился статьей, в которой категорически требовал применения к автору крамольной книги репрессий, вплоть до снятия его с работы и запрещения вести преподавательскую деятельность. Этот обозреватель писал: «...Возникает вопрос, который должны серьезно рассмотреть, притом лучше раньше, чем позже, люди, ведающие назначениями на академические должности: можно ли, сохраняя справедливость по отношению к учащимся, доверять ответственность преподавания истории какому-либо стороннику коммунистической доктрины?» (цитирую по «Communist Review», 1953, февраль, стр. 59). Корнфорт, приводящий эту выдержку из «Times»^a, замечает, что в Англии «рецензенты сожалели, осуждали, даже искажали, но еще не призывали открыто к запрещению взглядов своих противников» (там же).

Дж. Томсона в «*Journal of Hellenic Studies*», наиболее солидном западноевропейском журнале по истории древней Греции. Рецензент (В. Ф. Дж. Найт) начинает статью комплимента по адресу Томсона: «Каковы бы ни были ошибки новой книги проф. Дж. Томсона, многое возбуждает восхищение в его смелости и вызывающей сочувствие чувствительности, в его обладающей богатым воображением пронизательности»¹. Указав затем на некоторые мелкие неточности и погрешности в книге, Найт заканчивает рецензию заявлением, что у Томсона «металл коммунистической догмы, возможно, уже преодолена ржавчиной и что сам Томсон, несмотря на высказанные им взгляды, принадлежит в науке к умеренной группе между двумя крайностями» (там же)².

Капитальная работа Дж. Томсона должна вызвать особый интерес у советского читателя не только в связи с разгоревшимися вокруг нее спорами, но, само собой разумеется, прежде всего потому, что он подходит к изучаемым им проблемам с марксистских позиций. По замыслу автора, эта книга должна открыть серию монографий с общей задачей «укрепить фундамент» его известной работы «*Эххил и Афины*». В частности, в ближайшее время автор предполагает заняться «ростом рабства и начатками науки» (стр. 8). Томсон очень эрудирован в англо-американской исторической, филологической и особенно этнографической литературе; если судить по научному аппарату книги, он менее знаком с немецкой и французской историографией. Томсон — ученый широкого диапазона; в пяти больших разделах его труда обстоятельно и со знанием дела трактуются самые различные вопросы — от тотемизма и систем родства у североамериканских индейцев до религиозных верований микенского общества и аграрных отношений в Аттике времен Перикла. В центре его внимания стоят, однако, вопросы, связанные с матриархатом и его пережитками в доклассической Греции. В последнем разделе книги Томсон излагает свою оригинальную концепцию возникновения и начального распространения гомеровского эпоса. Насыщенность фактическим материалом в сочетании со стремлением к широким обобщениям характерны для манеры писания Томсона. По ряду важных вопросов, как, например, о филах или генезисе частной собственности на землю, Томсон остро полемизирует с буржуазными историками, прежде всего с авторами статей в «*Cambridge Ancient History*».

Книга Томсона уже рецензировалась в советской печати³; это освобождает нас от изложения ее содержания. Все же Б. В. Горнунг посвятил основное внимание разбору двух первых разделов работы Томсона, в то время как именно вторая ее половина, в которой анализируется проблема земельной собственности, вопросы истории Микен и возникновения эпоса, представляет наибольший интерес для историка-античника. К тому же Б. В. Горнунг, как нам кажется, слишком строго оценил рецензированную им работу. Томсон не только «стремится к марксизму», но и является марксистом, что, конечно, не исключает наличия недостатков методического, а иногда даже и методологического характера в его книге. Труд Томсона в настоящее время, несомненно, является наиболее обстоятельной марксистской работой по истории ранней Греции. Дальнейшие марксистские исследования в этой области неизбежно должны будут отталкиваться от проделанной им работы.

Исключительно интересна полемика Томсона с положениями статей Гарднера и Эдкока в III томе САН. Эти авторы, взгляды которых восходят к концепции Грота, несмотря на многочисленные свидетельства древних, начисто отрицают историческое значение родовых связей в ранней Греции и считают фило лишь случайным сборищем, «скорее искусственными агрегатами семей, чем группой, связанной родством». Томсон здесь попадает не в бровь, а в глаз, замечая: «Растворение четкого аристотелевского определе-

¹ JHS, LXXII (1952), стр. 138.

² Вся эта ставящая под сомнение последовательность марксистского мировоззрения Томсона тирада была вызвана лишь высказанным Томсоном мнением, что в «гомеровском вопросе» неправы ни унитарии, ни аналитики и что правильная оценка Гомера лежит где-то посреди этих двух крайностей.

³ См. выше, стр. 142, прим. 2.

ния аттической родовой системы в независимых военных бандах, добровольных ассоциациях и искусственных агрегатах у авторов САН ведет к затемнению того, что было выяснено; видя это, мы не можем воздержаться от удивления, почему наследники Грота так решительно предпочитают тьму свету. Не потому ли, что этот запыленный маленький шкафчик, в который Грот не мог, а они не хотят проникнуть, заключает в себе тайну происхождения семьи, частной собственности и государства?» (стр. 109).

Возвращаясь к тому же вопросу в связи с анализом земельной собственности. Томсон едко иронизирует над тем, что в САН, посвятившей целую главу битве при Марафоне, уделена всего лишь одна фраза раннегреческим земельным отношениям (САН, IV, стр. 42), причем и в ней выражается сомнение в существовании когда-либо общественной собственности на землю. Показав, что ранние буржуазные ученые, вроде Адама Смита, гордились ролью частной собственности как фактора прогресса, Томсон делает вывод, что в наше время умолчание буржуазных историков о родовом строе в древности преследует очевидную цель укрепить веру в извечное существование частной собственности и капитализма (стр. 259 сл.). Исключительно сложный вопрос об аграрных отношениях в Греции, несмотря на его очевидное первостепенное значение, почти не подвергался специальному изучению ни в буржуазной (если не считать устаревшей книги Гиро), ни в марксистской историографии; Томсон, насколько нам известно, впервые¹ столь обстоятельно и методологически правильно занялся изучением этой проблемы. Как он скромно признает, «историю примитивного землевладения (primitive land-tenure) еще предстоит написать. В Греции и в других местах есть еще много нерешенных проблем. Максимум того, что можно попытаться здесь сделать,— это очертить контуры метода, который может привести к решению проблемы, если им воспользуется человек, располагающий большими знаниями, чем я» (стр. 302 сл.)

Многие частные замечания Томсона, которым, он сам, повидимому, не склонен придавать большого значения, свидетельствуют о глубине его исторического мышления. Так, например, он замечает, что победа дорян была обусловлена не просто использованием железа, хотя оно и было дешевле бронзы, но тем, что доряне сохраняли родовую организацию и железо было доступно рядовым воинам так же, как и вождям; тем, что железо не было классовой монополией (стр. 29). Томсон, на наш взгляд, обоснованно считает неправильным общепринятое мнение, что в эпических сравнениях отражено время жизни поэта; он подчеркивает, что сравнения представляют собой такой же элемент поэтического творчества, как эпические повторения, и поэтому также являются достаточно архаичными (стр. 535). Следует отметить и оригинальный подход Томсона к истории гомеровского вопроса. Говоря об унитариях и сепаратистах, он характеризует первых как идеалистов, а вторых как механических материалистов (стр. 528 сл.); сам он всячески подчеркивает, но, на наш взгляд, сильно преувеличивает роль клана Гомеридов не только в распространении, но даже в создании и оформлении эпоса.

Все же некоторые важные положения Томсона вызывают серьезные возражения. Прежде всего это касается его согласия со взглядами Чайлда на эволюцию первобытно-общинного строя. Б. В. Горнунг уже достаточно подробно разобрал эту сторону концепции Томсона в своей рецензии; к тому же взгляды Чайлда получили развернутую оценку в нашей историографии². В этой связи важно подчеркнуть, что сам Томсон, исходя из своих общих предпосылок, несколько недооценивает значение процес-

¹ Уже после книги Дж. Томсона появились две важные работы по аграрной истории классической Греции: J. F i n e, *Horoi*, «Hesperia», Suppl., IX, Baltimore, 1951, и M. I. F i n l e y, *Studies in land and credit in ancient Athens 500—200 B. C.*, New Brunswick, 1951.

² См. статью А. Л. Монгайт в книге: Г. Чайлд, *У истоков европейской цивилизации*, М., 1952; см. Д. Г. Редер, рецензия на книгу Г. Чайлда «New light on the most ancient East», L., 1952, ВДИ, 1954, № 4, стр. 121 слл.

са классообразования в раннегреческой истории, одновременно преувеличивая роль торговли (стр. 25 и др.). Городской революции (urban revolution) — одного из основных положений в теории Чайлда — нельзя проследить в конкретной истории ранней Эллады; вряд ли можно считать таковой, по крайней мере при современном уровне наших знаний, образование центров микенской культуры.

Серьезным недостатком книги Томсона является фактическое умолчание о рабстве. Эту слабую сторону своего труда сознает и сам автор, обещающий в следующей работе заняться проблемой возникновения рабства в Греции. Задача эта очень трудна и, как правильно отмечает Томсон, требует коллективного исследования большой группы ученых-марксистов (см. его «Письмо в редакцию» ВДИ). Тем не менее, даже до комплексного изучения всех источников, Томсону все же следовало использовать хотя бы легко доступные данные о рабстве в ранней Греции. Между тем он совсем не останавливается на этом важнейшем вопросе и, таким образом, volens-nolens создает неправильную картину разложения первобытно-общинных отношений в Элладе.

Третье принципиальное возражение относится к способу использования источников. Пытаясь на основании исключительно скудных данных восстановить основные контуры древнейшей истории греческих племен, Томсон, как и многие другие исследователи, не проводит достаточной грани между ранними источниками, скажем доклассического периода, и поздними авторами, которые жили в конце античности, а иногда и в византийское время. Большая часть используемых им источников относится именно к поздним периодам. В таких случаях совершенно необходима особенно тщательная критика источников, на которую Томсон почти не обращает внимания¹. В самом деле, можно ли без тени сомнения реконструировать, как достоверную, генеалогию чуть ли не всех греческих аристократических родов, вплоть до середины II тысячелетия до н. э., на основании сообщений Аполлодора, Стефана Византийского и еще более поздних авторов? Томсон сам чувствует слабость своих построений и, как бы возражая потенциальным критикам, заявляет, что традицию о ранних эгейских народах нельзя отвергать как проявления (effusions) народного невежества или антикварные рассуждения (стр. 177). И все-таки его ссылки на якобы «цельную картину», создаваемую этой традицией, далеко не убедительны. Прежде всего упомянутые им «антикварные рассуждения» как раз и преследовали цель восполнить или объяснить имевшиеся и в древности источники. А так как в распоряжении авторов этих «рассуждений», несомненно, имелись все те источники, которыми мы теперь располагаем, то аргумент об отсутствии противоречий во многом теряет свою силу. К тому же и «цельность картины» также вызывает сомнения, притом не в последнюю очередь у самого Томсона, который неоднократно отмечает наличие различных местных традиций и иногда вынужден даже вносить существенные поправки в традиционные хронологические и особенно генеалогические схемы. Однако он делает это лишь в единичных случаях. Думается, что следует более решительно и, главное, четко разграничить ранние и поздние литературные источники; притом только первая группа в сочетании с археологическими данными может служить надежной основой для любой реконструкции раннегреческой истории. Вторая группа, включительно даже с Плутархом, может быть использована только при условии предварительного анализа источников того или иного позднего автора. Заметим в качестве иллюстрации, что все реальные успехи в решении гомеровского вопроса за последние полвека были достигнуты фактически только археологами, пользующимися надежными и достоверными данными, а не филологами, вынужденными ограничиваться в основном сведениями александрийской, а иногда и значительно более поздней традиции.

С вопросом об использовании поздней традиции связан весьма существенный для концепции Томсона вопрос о Гомеридах, занимающий центральное место в последнем разделе его книги. Правильно считая эпос результатом народного творчества (с ари-

¹ Ср. замечания на книгу Томсона в рецензии А. J. В. W a s e, *Antiquity*, № 96 (1950), стр. 212 сл.

стократической окраской), Томсон настаивает на историчности, как он говорит, «клана Гомеридов» — потомков Гомера, которые сначала из поколения в поколение передавали старые (и создавали новые) эпические произведения. Только впоследствии, по его мнению, к этому клану примкнули другие аэды, и он перестал быть кровно-родственной организацией. Томсон полагает далее, что те же Гомериды из Малой Азии и островов перекочевали в Спарту и Беотию. Даже Гесиода он считает одним из членов клана Гомеридов, ссылаясь на то, что его отец прибыл в Аскру из Кимы Эолийской (стр. 566). Но ведь данные о Гомеридах, которым Томсон приписывает роль основоположников и основных хранителей греческого эпического творчества, довольно поздние и вряд ли могут быть убедительно аргументированы. Больше того, гипотеза Томсона об исключительной роли клановой организации Гомеридов находится в коллизии с его же прекрасно написанными параграфами о народном характере и о широчайшем распространении эпического творчества у греков, ирландцев и среднеазиатских народов. Вряд ли также можно всерьез датировать Гомера серединой X века до н. э. (стр. 553 сл.) и приписывать ему, опять-таки на основании поздней традиции, не только «Илиаду» и «Одиссею», но и «Гомеровские гимны» (кроме гимна Аполлону Дельфийскому; ср. все же стр. 490 сл., где Томсон датирует гимны VII—VI веками до н. э.), «Фиваиду», «Маргита» и т. д. Во всяком случае такое предположение требовало развернутого анализа и критики всей аргументации противников столь ранней датировки Гомера.

Несмотря на отмеченные нами недостатки, книга Томсона представляет собой один из наиболее интересных и ценных трудов по истории ранней Греции. Его исследование наглядно показывает, сколь много темных мест в истории эллинского мира может быть выяснено при помощи марксистской методики исследования.

Определенный интерес для изучения материальной культуры ранней Греции представляет и книга англичанки Е. Лоример «Гомер и памятники»¹. Эта большая, насыщенная фактическим материалом работа представляет собой, насколько нам известно, первую книгу этого автора, уже свыше полустолетия работающего на поприще гомеровской археологии. Лоример поставила перед собой очень важную и в то же время исключительно трудную задачу: просмотреть почти необозримое, притом с каждым годом нарастающее «...количество археологических памятников поздне-бронзового и раннежелезного века в Эгеиде, с тем, чтобы с максимальной полнотой учесть те из них, которые отражены в гомеровских поэмах, и согласовать эти данные с другой группой неясных, фрагментарных, часто загадочных свидетельств, сохранившихся в самих поэмах» (стр. VII). Такая задача была, как известно, еще в 1886 г. поставлена немецким ученым В. Гельбигом, который в своей книге² интерпретировал «Илиаду» и «Одиссею» при помощи добытых к тому времени археологических данных.

Однако за последние 60 лет раскопки в Пелопоннесе и центральной Греции, на Крите и островах Эгейского моря, в Малой Азии и Угарите в десятки раз увеличили количество археологических памятников. Научная интерпретация этих свидетельств требует знания не только греческой и переднеазиатской археологии, но и ряда других дисциплин, среди которых далеко не последнее место занимает языковедение. Нечего и говорить, что удачное решение такой задачи предполагает способность автора к широким историческим обобщениям, обусловленную прежде всего овладением научным методом исторического анализа.

Уже в самой постановке вопроса Лоример резко отошла от обычного в настоящее время типа работ буржуазных археологов, которые, как правило, стремятся уйти от выдвижения крупных исторических проблем и только изредка поднимаются выше описания отдельных находок или сводок предметов, найденных в таком-то месте в такое-то время. Вероятно, именно этим, необычным для многих англо-американских археологов, стремлением к широким синтетическим построениям следует объяснить тот на редкость холодный, чтобы не сказать больше, прием, который книга Лоример

¹ H. L. Lorimer, *Homer and the monuments*, L., 1950.

² W. Helbig, *Das homerische Epos aus den Denkmälern erläutert*, 1886.

встретила в западноевропейской печати¹. Рецензенты книги, вместо того, чтобы оценить ее в том широком аспекте, в каком была поставлена проблема, ограничились мелочными замечаниями вроде того, что непонятно, почему автор уделил значительно больше места изучению предметов вооружения, чем гинскея, или почему не подождал с опубликованием своей работы, пока не поступят в Англию кое-какие новые книги из Германии, и т. д. и т. п. Между тем книга несомненно заслуживает значительно большего внимания.

Работа Лоример состоит из восьми глав²; из них особенно важны первые три, в которых автор дает сводку новых данных и попутно излагает свои взгляды на ряд не выясненных еще проблем истории ранней Греции. В центре внимания Лоример для позднебронзового века стоит Пелопоннес. Она фактически отказывается от тезиса об единстве критской и микенской культур и привлекает сведения о Крите и других культурных центрах Восточного Средиземноморья лишь постольку, поскольку они необходимы для выяснения истории пелопоннесских обществ II тысячелетия. Думается, что такой подход вполне правилен. Единство критской и микенской культур, как известно, постулировалось в свое время Эвансом, который, находясь под влиянием своих важных открытий на Крите, преувеличивал значение минойской культуры и считал микенскую культуру лишь ее ответвлением. Не отрицая самого факта влияния Крита в середине II тысячелетия на соседние страны, все же необходимо признать, что предпосылки подъема пелопоннесских обществ крылись прежде всего в развитии местных племен среднеэлладской культуры. В свете последних археологических данных микенская культура сама по себе рисуется достаточно своеобразной; она имеет за собой длинную линию самостоятельного развития и только в определенный, довольно краткий период находилась под сильным воздействием Крита (стр. 15 сл.). Влияние это ограничивалось фактически только областью искусства. Несомненной заслугой Лоример является и то, что она отказывается от расистских построений немецких националистических археологов, стремившихся объяснить причины подъема микенской культуры арийским происхождением ее носителей. Не является Лоример и сторонницей теории миграций (стр. 38); не склонна она также и к преувеличению роли культурных заимствований, что, например очень сильно чувствуется в построениях Чайлда.

К сожалению, Лоример, фактически отказываясь от концепций перечисленных выше ученых, делает это лишь ощупью, под нажимом фактов. Только в отношении концепции Эванса она открыто высказывает свое несогласие. Отсутствие критики своих предшественников по общим вопросам значительно затрудняет правильное восприятие читателем того нового, что вносит сам автор в микенскую проблему. Все же данные о позднебронзовом веке изложены Лоример с достаточной полнотой и с учетом всех имевшихся к 1945 г. научных данных. В этом отношении задача ее значительно облегчалась наличием довольно большого количества сводных работ данного ряда ее предшественников, проделавших нелегкую работу по сбору и обработке археологических данных (Фиммен, Глоц, Каро в RE, Suppl., B. VI, 584—616, Уэс, Фурумарк и др.).

Книга Лоример вышла в свет еще до расшифровки линейного письма В; Вентрисом и Чадвиком. Поэтому данная в ее книге характеристика микенской Греции требует довольно значительных дополнений. Однако следует признать, что ее выводы во всех

¹ Книга Лоример рецензировалась в JHS, LXXII (1952), стр. 152; в CR, 1952, № 1, стр. 13—65 и других журналах.

² Гл. 1—«Доисторическая Греция» (стр. 1—51); гл. 2—«Внешние отношения (позднебронзовый и раннежелезный век)» (стр. 52—102); гл. 3—«Кремация и железо» (стр. 103—121); гл. 4—«Письмо» (стр. 122—131); гл. 5—«Оружие и защитное вооружение» (стр. 132—335); гл. 6—«Одежда» (стр. 336—405); гл. 7—«Гомеровский дом» (стр. 406—451), гл. 8—«Выводы»: а) Композиция «Илиады» (стр. 452—492), б) Композиция «Одиссея» (стр. 493—528).

основных положениях, касающихся Микен, выдержали испытание даже в свете содержания пиловских надписей.

Несравнимо более трудная задача стояла перед Лоример в изложении археологических данных о раннежелезном веке. Начало его автор датирует временем перехода от субмикенского к протогеометрическому периоду¹, примерно XI веком [находка в Помпейоне (Аттика), стр. 115 сл.]. Трудность стоявшей перед Лоример задачей состояла прежде всего в том, что данные из слоев XI—VII вв. на территории Эллады до сих пор еще, кажется, никем не обобщались; имелись только публикации отдельных находок, разбросанные в различных изданиях. Все эти данные требовалось разыскать, свести воедино и подвергнуть хотя бы самому общему предварительному анализу. Вряд ли можно преувеличить кропотливость и сложность такого рода работы. К тому же на фоне относительно давно известных многочисленных пентров микенской культуры с их блестящими, богатыми находками археологическая картина раннежелезного века несколько прояснилась лишь за последние 15 лет. Решающую роль сыграли раскопки афинского Керамика, отчеты о котором были опубликованы лишь во время войны. Не случайно ведь и то, что до сих пор нет еще какой-либо сводной археологической истории Греции начала I тысячелетия, хотя, как указывалось выше, предшествующее полутысячелетие освещено по крайней мере в добром десятке обобщающих работ. Между тем без предварительного сбора всех археологических данных для раннежелезного века нечего было и думать о решении основной задачи — сопоставления находок со свидетельствами самого эпоса и выделения в эпосе предметов материальной культуры микенского времени от последующих.

Учитывая все эти обстоятельства, не следует удивляться тому, что начало I тысячелетия освещено в книге Лоример значительно хуже, чем конец предыдущего. Фактически автор останавливается на отдельных, лишь относительно связанных друг с другом вопросах истории раннежелезного века (кремация, использование железа, внешние связи эллинского мира, появление письменности). По каждому из этих вопросов Лоример дает сводку данных и литературы. Все это очень полезно, однако еще далеко от цельной картины жизни эллинских обществ того времени. Если обилие фактов и разработанность проблематики позволили Лоример создать относительно связную историю микенского времени, хотя тоже с большими пробелами, — вопросов развития производства и общественного строя она, повидимому, сознательно избегала, — то для последующего периода отказ от характеристики социально-экономических отношений неизбежно повлек фрагментарность изложения и отсутствие подлинного историзма. Как мы увидим в дальнейшем, это серьезно сказалось и на ее выводах о времени составления гомеровского эпоса.

Лоример — археолог по специальности, и нельзя требовать от нее равного знакомства с вопросами языкознания; однако поднятые ею вопросы требуют комплексного решения. Между тем освещение, данное в книге появлению греческого алфавита, которое, как вытекает из всего хода ее аргументации, играет немаловажную роль в датировке «Илиады» и «Одиссеи», явно не может удовлетворить даже рядового читателя. Она лишь попутно говорит о связи между письменными памятниками микенского времени и кипрским слоговым письмом (стр. 125 сл.), а в освещении времени появления греческого алфавита опирается лишь на древнейшие (в раннежелезном веке) находки финикийских предметов, даже в центральной части Средиземноморья

¹ Приведя полный, насколько нам известно, список железных предметов из раскопок микенского времени (стр. 111 сл.), Лоример подчеркивает, что, по ее мнению, начало железного века нельзя датировать древнейшими находками из железа (кольцами и другими украшениями), а только тем временем, когда железо стало использоваться в качестве полезного металла — прежде всего для изготовления мечей. Железные мечи появились почти одновременно во всем эллинском мире. Обычай захоронения с такими мечами очень быстро распространяется в протогеометрический период наряду с кремацией.

(Сардиния, стр. 505). Заимствование греками финикийского алфавита она относит к середине VIII века (стр. 505 сл.; ср. стр. 128 сл.), что, несомненно, слишком поздно¹. В связи с этим находится и занижение времени составления «Илиады» и «Одиссеи».

Главы 5—7, занимающие центральное место в книге (стр. 132—451), посвящены изучению отдельных групп предметов, упоминаемых в эпосе. В этих главах предметы, о которых идет речь в гомеровских поэмах, увязываются с соответствующими находками. Лоример уточняет здесь также значение многих эпических терминов. Эта часть ее книги, несомненно, будет иметь немалое значение для дальнейшего развития гомероведения. К сожалению, автор и здесь упорно отказывается от изучения вопросов, связанных не только с общественными отношениями, но даже и с производством гомеровского времени, к чему у него имелись все возможности.

Более слабой частью книги является ее заключительная глава — выводы. В этой большой — на 77 страниц — заключительной части своего труда автор обобщает данные исследования отдельно по каждой из гомеровских поэм. Общий вывод Лоример примерно следующий: «несмотря на наличие несомненных черт культуры бронзового века, их значительно меньше, чем предполагалось одно время» (стр. 452); на основании поэтических сравнений в эпосе делается вывод, что уже в «Илиаде» широко используется железо (стр. 454, прим. 3). В качестве времени создания «Илиады» принимается конец VIII века (стр. 485). Довольно значительные элементы «Одиссеи» также восходят к позднебронзовому веку; в частности, это касается составного лука Одиссея, несомненно заимствованного из Малой Азии (стр. 493), частично — расказа Евмея (стр. 494) и т. д. На основании анализа роли финикийцев в «Одиссее» и некоторых археологических данных Лоример полагает, что вторая гомеровская поэма была создана в течение полувека между 730 и 680 г., причем, вероятно, ближе к последней дате (стр. 526). Первоначальная запись обеих поэм должна была произойти в течение не более чем столетия со времени их создания, так как в противном случае поэмы подверглись бы значительным искажениям распадами (стр. 528).

Эти выводы не могут не встретить серьезных возражений. Насколько Лоример чувствует себя уверенно в археологии и в частности, ровно настолько же она уязвима в своих общих построениях. Здесь мы укажем лишь на две наиболее существенные лакуны в ее рассуждениях. Прежде всего Лоример, повидимому, вообще упускает из виду столь обстоятельно разработанный в гомеровской литературе вопрос об устойчивости устной поэтической традиции. Этот вопрос был уже обстоятельно рассмотрен многими авторами и, в частности, как указывалось выше, прекрасно освещен Томсоном. Сама же Лоример несколько раз приводит в качестве совершенно необъяснимого с ее точки зрения факта точнейшее описание в «Илиаде» (X, 261—265) микенского шлема из кабаньих клыков (стр. 132, сл., 452 сл.), который никак не мог сохраниться на протяжении минимум пяти веков и, следовательно, не был знаком автору эпоса². Между тем этот и довольно многие аналогичные факты легко объ-

¹ Кстати, ее же предположение о том, что местом заимствования финикийского алфавита греками был Кипр (стр. 505), дает возможность по крайней мере на полвека повысить эту датировку, так как не предполагает обязательной активности финикийцев в Эгейском бассейне. Принимаемая ею датировка древнейшей афинской надписи третьей четвертью VIII века (стр. 129) также предполагает более раннее появление греческой письменности, чем постулирует Лоример. Полемизируя с известным французским гомероведом Мазоном, считающим, что запись поэм на папирусах могла произойти лишь около 560 г., после основания Навкратиса, Лоример правильно замечает, что греческое название папирусного свитка $\beta\upsilon\beta\lambda\acute{\iota}\omicron\nu$ свидетельствует о значительно более раннем, «еще в VIII в., ввозе папирусов в Элладу из Финикии (стр. 526 прим. 2).

² Этот шлем был на основании его описания в «Илиаде» предельно точно восстановлен Рейхелем из фрагментов кабаньих клыков, во множестве находимых в микенских захоронениях и совершенно не встречающихся в могилах раннежелезного века: см. W. R e i c h e l, *Homerische Waffen*, 1894.

являются, если признать устойчивость устной традиции. Отмечаемая Лоример древность гекзаметра, трудность его применения ко многим греческим словам, наконец, определенная оскотенелость, наблюдаемая в многочисленных эпических повторах, — все эти моменты, несомненно, сильно содействовали сохранению устной традиции в течение столетий. Все эти общеизвестные соображения фактически игнорируются Лоример.

Вторым слабым местом в ее концепции является вопрос о финикийцах. Находки финикийских предметов, как указывалось выше, служат ей важнейшим критерием для датировки гомеровских поэм, в частности «Одиссеи». Исходя из своих взглядов, Лоример стремится отнести максимальное количество упоминаний о финикийцах в эпосе именно к VIII веку, когда по археологическим данным отмечается явная активизация финикийской торговли в центральной части Средиземноморья. Свидетельство енаучной добросовестности следует считать то, что она все-таки относит некоторое число упоминаний о финикийцах в «Одиссее» к позднебронзовому веку. К ним относятся, кроме не раз отмечавшегося в литературе умолчания о Тире и названия финикийцев сидонянами, также постулируемая Лоример локализация места рождения Евмея (Συρίη) в Угарите и некоторые другие места в эпосе. Довольно часто также она вынуждена ссылаться на стремление Гомера избежать анахронизмов и т. д. Сколь уязвима аргументация Лоример о финикийцах, лучше всего свидетельствует тот факт, что на основании тех же данных Олбрайт (см. ниже) с такой же уверенностью, как и Лоример, датировал почти все упоминания о финикийцах не раннежелезным, а именно позднебронзовым веком. Значительно последовательнее было бы признать так, как это делает Олбрайт, что и в вопросе о финикийцах в «Одиссее» сохранились достаточно сильные реминисценции позднебронзового века. Однако в таком случае Лоример вряд ли имела бы достаточно основание для принимаемой ею очень поздней датировки времени возникновения эпоса. Нам кажется, что ни соображения Томсона о датировке Гомера X веком, ни аргументация Лоример о конце VIII века недостаточны для того, чтобы поколебать установившуюся в науке датировку Гомера рубежом IX и VIII веков.

Выше отмечалось, что решение поставленной Лоример задачи требует овладения научным методом исторического анализа. Основным пороком ее работы является отсутствие такого метода. Это выражается не только в отказе даже от попытки анализа социальных отношений как позднебронзового, так и раннежелезного века и не только в явном нежелании коснуться вопросов производства; Лоример даже не ставит перед собою основного вопроса об историческом своеобразии изучаемых ею периодов. Вот почему в ее рассуждениях часто встречаются явные анахронизмы. Так, например, она приписывает увлечение торговлей уже... племенам раннеэлладской культуры (стр. 5); «торговой экспансией» отличаются, в ее изложении, и среднеэлладские племена (стр. 11), распространение микенской керамики также объясняется только торговлей (стр. 14). Лоример не понимает исторической обусловленности торговли; с ее точки зрения, торговля, при том не спорадическая, а значительных размеров, — имманентное качество любого человеческого общества.

Выдвинутая в свое время Эвансом теория землетрясений в Кноссе поддерживается Лоример в полном объеме; больше того, она привлекается ею даже для объяснения роста минойского влияния на микенское искусство (стр. 19, 23 сл). Характеризуя роль Менелая в «Одиссее», Гомер, по мнению Лоример, якобы специально подчеркивал, что Менелай не занимался «ни торговлей, ни пиратством, дабы он выглядел как реальный царь, соответствующий его роли в эпосе» (стр. 96). При этом Лоример, повидимому, совсем забыла, что, хотя бы по свидетельству Фукидида, пиратство в древние времена не считалось чем-то зазорным, и переносит понятия и нормы современного капиталистического общества на древность. Примеры такого рода можно было бы значительно умножить.

В общем итоге, признавая ценность проделанной Лоример работы, все же необходимо отметить, что она справилась только с первой половиной поставленной перед собой задачи: сбором археологических данных и увязкой их с соответствующими

местами из эпоса. Широкая картина исторического развития греческих племен раннежелезного века и у нее не получилась. Ее датировка гомеровских поэм совершенно неубедительна. Неудача Лоример в решении широких исторических проблем большого значения объясняется прежде всего характерной для подавляющего большинства буржуазных археологов узостью мышления и отсутствием широкого исторического кругозора. Пример книги Томсона показывает, что при современном уровне науки только сочетание научной эрудиции с марксистской методологией является надежной предпосылкой для успешного решения проблем широкого масштаба как по истории ранней Греции, так и в других отраслях исторической науки.

Элементы нового подхода к теме исследования имеются и в книге Г. Френкеля «Поэзия и философия ранних греков»¹. Френкель — старый немецкий буржуазный филолог-классик. В годы гитлеровского режима он эмигрировал в США и уже около двух десятков лет является профессором Станфордского университета в Калифорнии. По его словам, книга вынашивалась им около 30 лет. Френкель — идеалист до мозга костей, и вся древнегреческая литература в его понимании представляет собой развитие лишь качеств греческой психики, абсолютно не связанных (не говоря уже об обусловленности) с какими-либо социально-экономическими явлениями. И все же даже он ощущает глубокое неудовлетворение состоянием буржуазной филологии. Его особое возмущение вызывают два обстоятельства: во-первых, филологи-классики рассматривают литературу доклассического периода лишь как историю классической греческой литературы; «раннегреческое время, — пишет он, — не должно рассматриваться глазами человека, думающего о собственно классическом веке и пытающегося проследить лишь более примитивные звенья классики» (стр. V). Поэтому раннюю эпоху следует рассматривать в качестве единого целого, а каждое явление надлежит понять прежде всего так, как оно само себя мыслило, независимо от того, развивалось ли оно потомками или выбрасывалось в мусорный ящик (стр. VI); ни одно поколение никогда не удовлетворялось совершением подготовительной работы для своих правнуков.

Во-вторых, Френкель подчеркивает, что развитие от Гомера через раннегреческую культуру к классике шло не по прямой: «...после „эпического“ века „архаический“ выступил в резком программном противоречии со своими предшественниками; равным образом и классическая эпоха, со своей стороны, не возникла в результате последовательного продолжения архаических идей, но была создана протестующими реформаторами» (стр. VI). И это положение Френкеля, несмотря на его абстрактно-идеалистические установки, несомненно заслуживает внимания. На примере работы Френкеля полностью подтверждается замечание Ленина о том, что когда идеалист критикует идеалиста, в выигрыше остается материализм. В самом деле, ведь в буржуазной филологии не только принято идеализировать классическую литературу, но и совершенно игнорировать ее противоречивое, диалектическое развитие. Идеалист Френкель не может понять того, что древнегреческая, как и всякая другая, культура общества, разделенного на классы, не была монолитной, что в ней шла борьба идеологий различных общественных групп. Для него отдельные «поколения» являются чем-то цельным, лишенным внутренних противоречий. Однако Френкель — и в этом интерес его работы — помогает разоблачить легенду о мирном, эволюционном развитии древнегреческой культуры. Показ противоречивых тенденций, хотя бы на примере борьбы между «поколениями», содействует вскрытию ошибочности распространенных концепций буржуазных филологов.

Признав своеобразие «архаической» идеологии по сравнению как с предшествовавшей «эпической», так и последующей «классической», Френкель делает еще один шаг вперед и пытается, далеко не всегда удачно, выделить в «архаике» отдельные «поколения»; он намечает пять этапов развития «архаической» культуры: начальный период — Гесиод (гл. III, стр. 133—181); старая лирика от Архилоха до Солона

¹ H. F r ä n k e l, Dichtung und Philosophie des frühen Griechentums, eine Geschichte der griechischen Literatur von Homer bis Pindar, N. Y., 1951.

включительно (гл. IV, стр. 182—312); период кризиса, охватывающий первую половину и середину VI в. (гл. V, стр. 313—363); новая лирика от Ивика до Симонида (гл. VI, стр. 364—419); завершение архаики от Феогнида до Пиндара и Бакхилида (гл. VII и VIII, стр. 420—648).

Сам принцип подразделения по крайней мере 250-летнего периода на этапы можно было бы только приветствовать, если бы Френкель принял в качестве основы периодизации действительно какой-нибудь из важнейших моментов исторического развития и последовательно проводил его в жизнь в согласии с хронологией. Однако на деле он довольно часто вступает в конфликт и с тем и с другим требованием исторической периодизации. Правильно отказавшись от принятого в буржуазной классической филологии противоречащего историзму формального деления поэзии этого времени по жанрам (элегическая, ямбическая, мелическая и т. д. поэзия), Френкель стремится дать синхронное изложение истории раннегреческой литературы. Однако его периодизация вряд ли может быть признана удовлетворительной. Прежде всего деление лирической поэзии на начальную, раннюю, «кризисную», новую и «конечную» само по себе не раскрывает ни содержания каждого из этапов, ни необходимости их взаимного разграничения. С таким же успехом он мог бы выделить, скажем, не пять, а четыре (без «кризисного») или шесть (подразделив ранний на два) этапов. Такое деление было бы, пожалуй, даже более последовательным.

Кроме того, необходимо отметить, — это очень существенно, так как в корне опровергает всю его периодизацию, — что проводимое Френкелем деление очень часто вступает в противоречие с хронологией. Так, например, он считает, что «Щит Геракла» предшествует «Трудам и дням» (стр. 151 и 156 сл.); творчество Солона относится им к раннему этапу, а «семь мудрецов» к «кризисному» (стр. 289 сл. и 314 сл.); гомеровские гимны, часть которых, по его же признанию (стр. 325), была создана значительно раньше, рассматриваются в связи с тем же злосчастным «кризисным» этапом. В конце концов даже у неискушенного читателя создается впечатление, что введение этого этапа вызвано не столько наличием в нем каких-то специфических моментов, сколько ошибочным принципом периодизации.

В этой связи нельзя умолчать и о некоторых других существенных ошибках Френкеля. «Архаический» период, по его мнению, продолжается до 450 г., что явно не выдерживает критики; серьезной гранью можно считать, пожалуй, только начало V века — греко-персидские войны. В угоду своей надуманной схеме Френкель объединяет в одну группу под претенциозным названием «ионийское мещанство» столь различных в идейном отношении поэтов, как Семонид, Мимнерм и особенно Гиппонакт. Кстати говоря, последний писал не раньше, а после Солона.

И все-таки, несмотря на неудачность предпринятой Френкелем попытки, построение его книги значительно более приемлемо, чем структура других курсов древнегреческой литературы, так как, по крайней мере в теории, он принимает принцип исторического, а не жанрового деления поэтического творчества ранних греков.

Определенный интерес представляет диапазон используемых в книге Френкеля источников. Обращает на себя внимание уже само название его работы — «Поэзия и философия...»; как известно, представители различных отраслей знания, изучающих древнюю Грецию (равно как и Рим), только изредка используют источники, относящиеся к смежным областям; античные филология, философия, искусствоведение, археология, эпиграфика, нумизматика отделены друг от друга чуть ли не непроходимой пропастью. До сих пор только историки, да и то лишь от случая к случаю, занимались комплексным исследованием источников. Отграниченность от других областей и, по необходимости, ограниченность особенно характерны для классической филологии и в настоящее время; быть может, именно этим обстоятельством и вызвано принятое и поныне в этой дисциплине изложение материала по литературным жанрам, а не в исторической последовательности. Поэтому попытка Френкеля объединить в своей работе историю литературы и философии — дать сводный обзор почти всех письменных источников для каждого периода — несомненно заслуживает внимания. Две главы его книги (V и VII) посвящены характеристике философских тече-

ний; учитывая скудное количество высказываний раннегреческих философов, следует признать, что это не мало.

Серьезным недостатком книги является то, что Френкель фактически ограничил себя только литературными источниками; он почти не привлекает данных эпиграфики, довольно существенных особенно для конца изучаемого им периода, и только один раз, насколько удалось заметить, воспользовался искусствоведческими аналогиями¹. Между тем только подлинно комплексное исследование в с е х источников является одним из главных условий в решении поставленной автором задачи определить «архаическую» эпоху как самостоятельный период развития греческой литературы, выделить в нем отдельные этапы и исследовать общественные настроения в каждом из них. Для решения этой задачи требуется полный учет эволюции в той области, от исследования которой Френкель сознательно отказался, — в области социально-экономического развития раннегреческих обществ. Процесс становления рабовладельческого строя, возникновения государства, ожесточенной политической борьбы сыграл громадную роль в развитии общественных настроений того времени: любая попытка изучать последние вне связи с изменениями в базисе, даже несмотря на благие намерения и эрудицию любого исследователя, не может окончиться ничем иным, кроме неудачи, которая постигла и Френкеля. Научная характеристика изменений в общественной психике различных «поколений» ранней Греции не может быть дана без ответа на вопрос: а чем же были вызваны эти изменения? Этого основного вопроса Френкель даже не ставит.

Несколько более частных замечаний. Френкель пытается дать свой ответ на волнующий уже столько поколений исследователей вопрос о причинах совершенства гомеровских поэм; он считает, что «устный эпос превратился в записанные книги лишь тогда, когда была парализована воля к дальнейшему совершенствованию» (стр. 30), и что достигший в результате длительной эволюции совершенства эпос был записан потому, что началось уже его вырождение. Этот типично идеалистический ответ абсолютно игнорирует всю историю возникновения древнегреческой письменности, анализу которой все же посвящает немало страниц даже археолог Лоример.

Удивительно, что филолог Френкель считает возможным абстрагироваться от анализа разновременных наслоений в «Одиссее» и так резко подчеркивает отличие последней от «Илиады». Само отличие несомненно, и на него указывали уже очень многие ученые и до Френкеля. Однако по крайней мере наивно приписывать изменениям в общественных настроениях, например, более «мирную» тематику «Одиссеи», превозношение хитрости по сравнению с воинской доблестью и т. д. Дело здесь, как известно, обстоит значительно сложнее. Многие элементы, которые, согласно Френкелю, характерны для новых общественных настроений, Лоример со значительно большим основанием относит к реминисценциям позднебронзового века, несмотря на имеющуюся и у нее тенденция к снижению датировки эпоса.

Интересен у Френкеля филологический анализ отдельных раннегреческих терминов, особенно эпического времени. Как мне кажется, большинство из них он понимает более правильно, чем его предшественники (*πολύτλας* — стр. 123 сл.; *ἑφ' ἕμερος* — стр. 183 сл.; *ἔμμε, δίκη, νόμος* — стр. 181, прим. 30); вряд ли только можно с ним согласиться в его интерпретации слова *ἐπάρουρος*². Особенно стоит отметить его замечание о термине *σοφός*³.

¹ Он пишет: «Сразу после Гомера наступил столь резкий перелом, что мы вынуждены разделить раннегреческое время на две эпохи: «эпическую» и «архаическую». Это созвучно истории искусства, где после геометрического времени вместе с «ориентализирующим» стилем и началом пластики начинается новая, архаическая эпоха» (стр. 5). Стр. стр. 391.

² См. статью «Послегомеровский эпос как источник для социально-экономической истории ранней Греции», ВДИ, 1954, № 4, стр. 57. прим. 1.

³ Френкель считает, что этот термин в раннюю пору имел значение «умный» и особенно «практичный», а не «мудрец». Он правильно подчеркивает, что «в раннем язы-

В общем следует сказать, что сильная сторона работы Френкеля лежит прежде всего в его критике своих предшественников; его положительные построения вызывают очень много и общих и частных возражений.

Наконец, стоит остановиться на еще одном, на сей раз несколько необычного характера коллективном труде о Гомере. Мы имеем в виду собрание статей по гомеровскому вопросу, напечатанных в нескольких номерах «American Journal of Archaeology» за 1948—1950 гг.¹ Предистория этого собрания такова. В 1946 г. вышла в свет книга директора Американской школы классических знаний в Афинах Р. Карпентера «Народные сказания, вымысел и сага в гомеровском эпосе»². Эта книга, повидимому, вызвала некоторые расхождения во мнениях среди американских археологов и историков. Отзвуки этих разногласий заметны в большой рецензии Кемерона (AJA, № 52, стр. 291—298) и в ряде статей собрания. Основные положения Карпентера сводятся к тому, что обе гомеровские поэмы отражают не столько собственно греческие, сколько общие индоевропейские фольклорные мотивы. Поэтому он ищет корни тематики и содержания эпоса не в истории греческих племен II и начала I тысячелетия до н. э., а в сказаниях других племен и народов; особенно много аналогий Карпентер находит между «Одиссеей» и легендой о Беовульфе. Исходя из этих положений, он доказывает, что обе поэмы были созданы в качестве единого целого лишь после того, как была введена и получила достаточное распространение греческая письменность, примерно с 675 по 625 г. до н. э. Почти все собственно исторические элементы эпоса Карпентер склонен датировать именно этим временем. Таким образом, он идет значительно дальше Лоримера и почти начисто отвергает значение микенской традиции в эпосе. В корне несогласный с ним Кемерон сдержанно указывает на несостоятельность его аргументации по ряду основных положений. Особенно убедительно доводится до абсурда положение Карпентера о близости Одиссея с Беовульфом; используя тот же метод поверхностных и надерганных аналогий, Кемерон показывает, что, например, образ Христа не менее близок к Беовульфу, чем Одиссей.

Обсуждение книги склонило руководство Американского археологического института к созыву тематического собеседования американских археологов в 1947 г. После собеседования редакция AJA пригласила виднейших западноевропейских гомероведов прислать свои статьи. В результате всех этих мероприятий редакция получила 24 статьи, опубликованные, в основном, в № 1 за 1948 г.

Подавляющее большинство статей написано наиболее известными и опытными американскими и частично английскими, а также некоторыми другими археологами, которые уже целыми десятилетиями занимаются изучением памятников позднебронзового и раннежелезного века. В обсуждении участвовали, в частности, Олбрайт, Уэд-Герн, Карпентер, Дениел, Кобер, Крамер, Лоример, Майрс, Бовра, Милонас, Шеффер и др.; поэтому результаты его дают возможность наглядно представить себе состояние американского и западноевропейского гомероведения, а равным образом определить тенденции его развития. Член редколлегии журнала Стерлинг Доу в предисловии к заключительным статьям (1950, № 3, стр. 161) следующим образом формулировал его задачи и перспективы: «Надо было собрать весь неопубликованный материал источников, добытый за последние годы. Нам казалось, что имевшая тогда место фаза теоретизирования — блестящая фаза — должна, пожалуй, уступить теперь на время место спокойному коллекционированию и изучению нового материала. Открытие Парри, что техника эпоса была устной, и открытие Карпентера, что она по необходимости была устной, так как искусство письма было утеряно до поразительно поздней даты — самое раннее до середины IX в. или, более вероятно, VIII, возмож-

ке это определение восхваляет практическое мастерство того человека, к которому оно относится» (например, Периандра — стр. 315 сл.).

¹ См. AJA, LII (1948), стр. 1—198, 291—298, 311—320 и 336—340; LIV (1950), стр. 161—203.

² R. Carpenter, Folk-tale, Fiction and Saga in the Homeric Epics, Berkeley, 1946.

но даже до столь позднего времени, как 725 г. до н. э., — все эти открытия были приняты и удачно учтены в обобщающих отчетах».

Таким образом, как по замыслу инициаторов собеседования, так и в оценке его итогов, а главное — по участию в нем всех виднейших археологов не только США, но и других капиталистических стран, собрание статей в АЖА представляет собой фактически последнее слово зарубежной науки по состоянию на 1948—1950 гг.

Наряду с узко вещеведческими статьями и заметками типа работ Уэса «Тканье или вышивка?» (№ 52, стр. 51—55) или Порады «Цилиндрические печати Кипрского позднебронзового века» (№ 52, стр. 178—198) в журнале напечатаны три общие, тематически связанные историко-археологические статьи Дениела, Бронира и Уэд-Гери о вторжении дорян и связанных с ним событиях из истории Афин и Пилоса (№ 52, стр. 107—118). В то время как статьи Кюбер и Майрса (№ 52, стр. 82—106) посвящены важному вопросу о возможностях и перспективах дешифровки критской письменности, в работах Крамера (№ 52, стр. 156—164) и Гютербока (№ 52, стр. 123—134) соответственно постулируется существование дошумерийской «империи» и «героического века» в южном Двуречье и делается попытка вскрыть восточные корни «Теогонии» Гесиода. Некоторые статьи затрагивают вопросы сравнительного языкознания (Бовра — № 54, стр. 184—192), историю гомеровского вопроса (Лоример — № 52, стр. 11—23; Лорд — № 52, стр. 44 и др.), истолкование отдельных гомеровских терминов (*διάκτορος* и *Ἄρχειφόντης*). Читтенден — № 52, стр. 24—33 и Карпентер — № 54, стр. 177—183). Такая разнотемность материалов, очевидно, не является делом случая, но заранее предусматривалась и, вероятно, даже планировалась редакцией, стремившейся показать самые различные аспекты гомероведения. Тем более показательно на этом фоне полное отсутствие какой-либо социально-экономической тематики. Даже у неискушенного читателя неизбежно создается впечатление об умолчании об этой тематике в АЖА¹.

Научная ценность статей также колеблется в очень широких рамках. Статьи чисто археологического характера обычно дают много новых данных из последних раскопок и расширяют, притом иногда довольно значительно, объем научных знаний из той или иной области раннегреческой истории. Так, например, в работе Бронира приведены интересные факты из американских раскопок 30-х годов в Афинах, свидетельствующие о ряде мероприятий оборонительного характера, предпринятых, по видимому, в связи с угрозой вторжения дорян в Аттику в XII в. до н. э. В статье Шеффера «Энкоми» (№ 52, стр. 165—177) публикуются данные о раскопках, которые этот известный французский ученый вел в до- и послевоенные годы на Кипре; обнаруженное им поселение позднебронзового века представляет собой важное связующее звено между европейскими центрами микенской культуры и Угаритом. В статье Ганфмана (№ 52,

¹ Во всех 24 статьях мы нашли лишь два места, где речь идет о социальных отношениях. В работе С. Н. Крамера (№ 52, стр. 156—164) постулируется существование дошумерийской «империи» в Двуречье ввиду того, что автор на основании натянутых аналогий между шумерийскими мифами и поэмами Гомера считает возможным говорить о «героическом веке» у шумерийцев. Крамер полагает, что предпосылкой «героического века» является совпадение его с периодом национальной миграции, со временем переселения народов. Затем — и это намного более показательный фактор — эти народы... находящиеся еще на относительно примитивном и племенном уровне, должны были войти в соприкосновение с цивилизованной державой, переживающей процесс дезинтеграции» (стр. 158 сл.). Итак, ввиду того, что в Шумере, по мнению С. Н. Крамера, существовал «героический век», там должна была ему предшествовать мифическая «дошумерийская империя». Во-вторых, в работе Милонаса о погребальных обычаях гомеровского и микенского времени (№ 52, стр. 56—81) рассматривается вопрос о том, сопровождалась ли в микенское время похороны знати человеческими жертвами, в частности убийством рабов. Милонас склонен допустить такую возможность, правда в исключительных случаях, и приводит некоторые археологические данные (стр. 61 сл. и 72 сл.).

стр. 135—155) на основании последних раскопок в центральной части Малой Азии дана сводка археологических данных по Фригии, Киликии и т. д.

Однако чуть ли не все, как правило, даже малейшие попытки обобщения этих данных свидетельствуют о полной беспомощности их авторов как историков. Крупнейший американский археолог-востоковед Олбрайт, совершенно игнорируя глубокие изменения в социально-экономической структуре континентальной Греции после падения Микен, считает лишь делом случая отсутствие находок крупных царских дворцов и письменности в геометрический период (№ 54, стр. 164 сл.). Между тем несомненное снижение уровня материальной культуры после дорийского завоевания закономерно вызвало временное исчезновение сильно укрепленных центров типа Микен или Тиринфа.

Лоример полагает, что «столь замечательное изобретение, как алфавит, должно было распространиться автоматически и немедленно» (№ 52 стр. 19), и поэтому, датируя древнейшую аттическую надпись на призовом кувшине началом последней трети VIII века, настаивает на изобретении греческого алфавита в середине того же века. Между тем вполне очевидно, что между моментом возникновения алфавита, — Лоример полагает, что это произошло на Кипре, — заимствованием его афинянами и значительным распространением письменности в Аттике вплоть до обычая составления надписей на сосудах должен был пройти довольно значительный промежуток времени, исчисляемый во всяком случае весьма многими десятилетиями. Мы уже не говорим о том, что подлежит доказательству принимаемое Лоример за аксиому введение алфавита именно афинянами, а не, скажем, ионянами.

Дениел, правильно отмечающий, что «гомеровский рассказ в своих основных чертах полностью согласуется с нашими археологическими данными для начала XII века и для никакого другого периода греческой истории» (№ 52, стр. 109), несколькими строками ниже заявляет, что отношения между Агамемноном и ахейскими вождями «напоминают позднесредневековую Францию и аналогично ей, повидимому, представляют сцену развала мощной централизованной власти». Не говоря уже о недопустимости безоговорочных аналогий между качественно столь различными явлениями, совершенно непонятно, как Дениел мог обнаружить развал централизованной власти во Франции времени просвещенного абсолютизма или даже предшествующих двух столетий. Вряд ли требуется иметь знания в объеме университетского курса, чтобы уверенно сказать, что по крайней мере от Карла Великого вплоть до Людовика XIV во Франции не было и в помине «мощной централизованной власти». Несмотря на хорошее знание фактов, относящихся к их непосредственной узкой специальности, даже крупные американские археологи оказываются несостоятельными при необходимости исторической интерпретации этих фактов.

За последние годы все большее распространение среди буржуазных археологов получает «теория землетрясений». Эта теория, выдвинутая в свое время Эвансом в качестве причины падения минойского Крита, пользуется все возрастающей популярностью в западноевропейской и американской историографии. Она является прекрасным предлогом для отказа от изучения социальных противоречий и подлинных причин падения тех или иных обществ. Так, Шеффер не только нашел следы землетрясения в Угарите (около 1365 г. до н. э.), но проследил их и в Энкоми, и в Иерихо, и в Гезере, и даже в Трое¹, притом все эти землетрясения, по его мнению, произошли одновременно.

Не возражая против возможности определить следы землетрясения на основании данных стратиграфии местности и аналогичных фактов, все же необходимо указать на то, что склонность к поискам землетрясений в раннегреческой истории связана не столько с тектоникой земной коры в III—II тысячелетиях до н. э., сколько со значительно более близким к нашему времени отходом от социальной тематики в буржуазной историографии.

¹ С теорией Шеффера в отношении Троя ядовито полемизирует в том же номере журнала Каски (стр. 120 сл.).

Заговор молчания касается не только социально-экономической тематики, но и в меньшей мере и достижений русской и особенно советской науки. Здесь дело доходит даже до смешного; 52-й номер журнала открывается статьей Карпентера «Греческое проникновение в Черное море». Автор считает возможным рассуждать на десяти страницах о том, когда греческие корабли могли впервые попасть в Понт Евксипский, не ставя перед собой даже вопроса о том, каким же временем датируются древнейшие находки греческих предметов на Черноморском побережье. По его мнению, первая эллинская пентсконтера могла пройти через Боспор не раньше 680 г. до н. э. Любой мало-мальски добросовестный исследователь должен был бы поставить перед собой вопрос: каким же временем датировать тогда возникновение, например, мифа об аргонавтах? Во всей статье не найти ни одной ссылки на какую-нибудь русскую работу.

Среди прочих статей АЖА несколько особняком стоит упомянутая выше работа Лорда «Гомер, Парри и Гусо». Как известно, покойный французский гомеровед Мильман Парри подходил к гомеровским поэмам как к произведениям устного поэтического творчества. В своей незавершенной работе, большие отрывки из которой публикует Лорд, Парри писал: «Несомненно, я не первый исследователь, пытающийся определить, каким образом возникает устная поэма.... Тем более не я первый пытаюсь использовать современные бесписьменные песни для лучшего понимания „ранней“ поэзии... надо только попытаться дать строгую формулировку и использовать ее» (стр. 37). В 30-е годы Парри несколько раз побывал в Югославии, где записал громадное количество различных сказаний; некоторые из них по размерам приближаются к объему гомеровских поэм. Наиболее известный из певцов санджака Новый базар слепой Гусо Гуссейн живо напомнил ему Гомера. Этим объясняется несколько странный заголовок статьи Лорда.

Теперь можно подвести некоторые итоги собрания статей в АЖА. Выше приведена оценка этого собрания Доу. В этой оценке, на наш взгляд, характерны два момента: 1) его характеристика положительной стороны обсуждения и 2) цель самого обсуждения. Можно согласиться с Доу в том, что фаза теоретизирования должна уступить место коллекционированию нового материала. Действительно, выхолощенное от анализа каких-либо социально-экономических моментов, лишенное малейшей исторической перспективы, не учитывающее даже в минимальной степени своеобразия гомеровского времени теоретизирование не могло дать ничего науке. Непостижимо лишь одно: как можно было назвать такое теоретизирование «блестящим»? Что же касается «открытий» Парри и Карпентера, то сам Парри, как это явствует из приведенного его высказывания, вовсе не претендовал на «открытие» того, что «техника эпоса была устной»; об этом знают все студенты на протяжении последних, по крайней мере, 150 лет. Парри сам указывал, что он лишь пытался точно сформулировать и использовать для изучения гомеровских поэм нормы современного устного поэтического творчества. Что же касается «открытия» Карпентера об исключительно позднем возникновении греческого алфавита, то достаточно убедительную критику этого «открытия» дал, на наш взгляд, в упомянутой выше рецензии Кемерон.

Нам кажется, что основной положительной стороной большого собрания статей по гомеровскому вопросу в АЖА является введение в научный обиход довольно большого количества новых археологических данных. Попытки их широкого исторического осмысления оказались явно неудачными. Вскрытие подлинных закономерностей исторического развития, научное решение крупных проблем истории ранней Греции возможно, очевидно, не в отрыве от социально-экономической тематики, а только путем обобщения накопленного за последние годы богатого фактического материала с позиций творческого марксизма.

Я. А. Ленцман